

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 18

1983

Станислав КУНЯЕВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ПО БЕЛОМУ СВЕТУ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 18

Станислав КУНЯЕВ

ПО БЕЛОМУ СВЕТУ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Станислав КУНЯЕВ

Станислав Юрьевич Куняев родился в Калуге 27 ноября 1932 года. В 1957 году окончил филологический факультет Московского университета. Печататься начал в 1956 году. Работал журналистом в сибирской районной печати, рабочим в геологических партиях на Тянь-Шане. За двадцать пять лет литературной жизни издал двадцать стихотворных книг, а также сборник критических и публицистических статей «Свободная стихия». Читатель знаком также с его переводами поэзии многих известных поэтов — Межелайтиса, Эралиева, Улзытуева, Нишнианидзе и др. Член Союза писателей СССР.

* * *

А. П.

Цокот копыт на дороге,
дальних колес перестук —
звук довоенный, далекий,
доисторический звук.
Некогда в детстве рожденный
влагой, землей, тишиной...
И навсегда заглушенный
временем, жизнью, войной.

* * *

Увидеть родину весной,
апрельским утром, в первый зной,
с разноголосицей грачей,
с последним холодком заречным,
с потрескиванием свечей
в ночь пасхи, с грудой новостей,
рассказанных случайным встречным.

Проснуться и услышать вдруг,
как заливается петух,
и удивиться наблюденью,
что пахнет в городе твоём
и свежевывымытым бельем,
и сладким дымом, и сиренью...

Увидеть родину, когда
Ока темна и холодна
и груды огненной листвы,
смешавшись с черною листвою,

на иней мраморной плиты
летят, и понимаешь ты,
что пахнет в воздухе зимою.

* * *

Гуляет ветер в камыше,
пылит разбитая дорога,
шумит река, и на душе
так хорошо и одиноко.
Прощай, веселая пора,
случайно выпавшая милость,
как дым угасшего костра,
ты в синем небе растворилась.
Что говорить! Конечно, жаль
живую грусть осенней воли,
и остывающую даль,
и отцветающее поле.
Но чтоб не очень тосковать,
чтобы перенести разлуку,
я научился понимать
одну жестокую науку:
я научился каждый час,
который родиной дается,
любить как бы в последний раз,
как будто больше не придется.

* * *

Шепчу, объясняюсь, прощаюсь,—
что делать? — не выскажусь всласть.
Опять и опять повторяюсь,—
какая живучая страсть!
Глаза открывая спросонок,
услышу в саду под окном:
два друга — щенок и ребенок —
бормочут о чем-то своем;
увидю все те же осины,
все тот же закат и рассвет —
запавшие в память картины,
которым названия нет.
Слова довоенного танго
плывут в голубой небосвод

из окон, где шумная пьянка
с утра, разгораясь, идет.
А в небе последняя стая,
почуяв дыханье зимы,
прощально кричит, покидая
мои золотые холмы.

* * *

Как посветлела к осени вода,
как потемнела к осени природа!
В мое лицо дохнули холода,
и снегом потянуло с небосвода.
Мои края, знакомые насквозь:
пустынный берег, подзавалье, речка...
Так кто же я — хозяин или гость?
И что у нас — прощанье или встреча?
От холода я задремал в стогу,
как зверь, готовый погрузиться в спячку,
проснулся, закурил на берегу,
и бросил в воду скомканную пачку,
и не решил, что ближе и родней:
вчерашний шум березы отшумевшей
или просторы прибранных полей
и тусклый свет травы заиндепевшей.
И, затянувшись горестным дымком,
спасая тело от осенней дрожи,
я вдаль глядел и думал об одном:
чем ближе ночь, тем родина дороже.

* * *

Непонятно, как можно покинуть
эту землю и эту страну,
душу вывернуть, память отринуть
и любовь позабыть и войну.

Нет, не то чтобы я образцовый
гражданин или там патриот —
просто призрачный сад на Садовой,
бор сосновый, да сумрак лиловый,
темный берег, да шрам пустыковый —
это все лишь со мною уйдет.

Все, что было отмечено сердцем,
ни за что не подвластно уму.
Кто-то скажет: — А Курбский? А Герцен? —
Все едино я вас не пойму.

Я люблю эту кровную участь,
от которой сжимается грудь.
Даже здесь бессловесностью мучусь,
а не то чтобы там где-нибудь.

Синий холод осеннего неба
столько раз растворялся в крови —
не оставил в ней места для гнева —
лишь для горечи и для любви.

* * *

Уходит сын в житейский путь,
мать смотрит вслед из-под ладони.
Ей этой ночью не уснуть
в родном и опустелом доме.

А сына позвала весна,
встревожила судьба и слава...
Жизнь длится, как во времена
Батыя или Святослава.

Все те же сосны на ветру
шумят, рождая голос леса.
Под этот шум в моем бору
ржавеет рейнское железо.

Все те же чувства на земле
рождаются, умирают, зреют.
Все те же ветры в синей мгле
с полей зазеленевших веют.

Все так же в правде и во лжи
ты сам в родном краю бродяжишь.
Все так же люди хороши,
пока их к сердцу не привяжешь.

* * *

Как много печального люда
в суровой отчизне моей.
Откуда он взялся, откуда —
с каких деревень и полей?

Вглядишься в помятые лица,
в одно и другое лицо
и вспомнишь: войны колесница! —
и ахнешь: времен колесо!

Как много иного народа
я видел на стройках страны!
Возникла другая порода,
не зная беды и войны.

Я счастлив, что юность по праву
в труде, а не в смертном бою
свою заработала славу
и честь утвердила свою.

Но, глядя на подвиги эти,
подумав под шорох дождя,
что кто-то один в целом свете
прощается, в ночь уходя.

* * *

Мать пьет снотворное за то,
что столько лет недосыпала,
ее бросает в забытые
шалыная доза нембутала.

Жизнь опостылела вконец,
а молодые сны — отрада.
Чтобы приснился мой отец,
она не просыпаться рада.

Но снятся ей госпиталя,
ее кровавая работа,
бинты и язвы, гной и рвота —
война, короче говоря.

Она не покладая рук
кромсает, режет, шьет и пилит...
Один без ног, другой без рук,
а третий, раненный навyleт,
кричит...

Спаси его, хирург!

Ты бог. Твори свои дела
и день и ночь, не уставая,
покамест на столы тела
исправно шлет передовая...

А сын ей говорит: — Вставай!
Что жить искусственными снами?
Волнуйся!

Радуйся!

Страдай!

Дыши весенними ветрами!

Но ничего не знает он
о том, что знает только старость:
— Мой сын, оставь, — я вижу сон,
и это все, что мне осталось!

Они идут в шумящий бор
сбирать цветы на солнцепеке...
— Мать, подыми потухший взор,
послушай, как журчат потоки!..

Взгляни на голубую гладь —
ты столько бед перемолола,
еще настанет время спать!
Она в ответ ему — ни слова.

Пригрелась в солнечном тепле.
Молчит. Рукой устало машет,
склонясь к оттаявшей земле,
не шьет,
не стряпает,

не вяжет...

А мать-и-мачеха цветет,
и сон-трава мохнатым зевом
росу мерцающую пьет...
Но никогда под русским небом
трава забвенья не взойдет.

ВЛАДИМИРСКОЕ ШОССЕ

На дорогах дежурят посты,
на дорогах стоят карантины,
вылезает на снег из машины,
отряхиваем от снега стопы.
Во Владимире нет молока —
во Владимирской области ящур.
Погруженный в сухие снега,
белый Суздаль в тумане маячил.
Тишина. Воспаленный простор.
Здесь на съемках «Андрея Рублева»
этим летом решил режиссер,
чтобы в кадре сгорела корова,
чтобы зритель смотрел трепеща...
И животное взглядом безвинным
вспрошало, тоскливо мыча, —
для чего обливают бензином.
Хоть бы ящур, а то фестиваль,
безымянная жертва искусства,
первый приз. Золотая медаль...
Воронье налетевшее густо,
облепило кирпичный карниз
и орет над потемками улиц.
В монастырь заточали цариц,
а потом заточали преступниц,
не достигших шестнадцати лет...
Но пора, чтобы мне возразили
и сказали: послушай, поэт,
так легко о тревогах России!
Слишком много в России чудес —
иной на куполах позлащенных,
почерневший от времени лес,
воплощение идей отвлеченных,
белокаменный храм на Нерли,
желтый холод ноябрьского неба,
и дорога в морозной пыли,
и деревни — то справа, то слева.
Снова ящур (вещает плакат).
Карантин (тоже странное слово).
...И вполне громадный закат
и снега, как при жизни Рублева.

* * *

А где дурачки городские,
народ не от мира сего,
слепые и глухонемые —
повымерли до одного.

Блаженные, нищие духом,
таинственным миром своим
понятные древним старухам,
причастные тварям земным.

Бывало, Порфиша при встрече
откроет трясущийся рот,
и чувствуешь, что человечье
в юродивом ищет исход.

Вот-вот и промолвит такое...
А что ему — совесть чиста
и незачем благо земное
и наша земная тщета.

Сказал бы, да слов не хватило,
чуть-чуть бы — да рухнула связь.
Безумие вновь накатило,
и вновь голова затряслась.

Повымерла эта порода,
здоровый пошел матерьял,
но город лишился чего-то
и что-то в лице потерял.

Недаром от слабого слова
на косноязычных устах
величье царя Годунова
однажды разрушилось в прах.

* * *

Был Дмитрий Самозванец не дурак —
он знал, что черни любо самозванство,
но что-то где-то рассчитал не так
и черным пеплом вылетел в пространство.

Как истый царь на белом жеребце
он въехал в Боровицкие ворота...
А то, что с ним произошло в конце, —
все потому, что он не знал народа.

Не понял он, что из святых гробниц
в дни гневной смуты и кровавой пьянки
законных государей и цариц
народ, глумясь, выбрасывал останки.

Пойти под плети и на плаху лечь,
поджечь свой двор и все начать сначала...
Он был храбрец...

Но чтоб чужая речь
на древней Красной площади звучала?!

* * *

Листья мечутся между машин,
на колючем ветру коченеют.
Понимаю, как холодно им,
на глазах золотые чернеют.
Слава богу, я снова один,
словно в этом какое-то благо!
И смотрю, как из серых глубин
тихо сыплется серая влага.
Я наутро поймаю такси,
подниму воротник от прохлады
и шоферу скажу — отвези
на погосты Великой блокады.
Потому, что в одной из могил
мой отец похоронен когда-то.
Неизвестно ни места, ни даты —
устанавливать не было сил.
А недавно в рязанском селе
были праздники в честь Руставели.
Гости прибыли навеселе,
отобедали, песню запели.
Вечерело. Накрапывал дождь
на разбитую сельскую церковь,
на Оку, на есенинский дом...
И совсем в непогоду померкнув,
любопытные бабы в платках,
зябло пряча тяжелые руки,
с удивленьем в усталых глазах
молча слушали чудные звуки...

Как смогли вы, друзья, уберечь
за полуторатысячелетье
эту древнегрузинскую речь, —
что ни время, ни пламя, ни меч
не развеяли в пепел наследье!
Что за песни! Какая судьба
донесла их до нашего края!
Репродуктор с вершины столба
что-то бодрое нес, не смолкая.
Я впадал окончательно в грусть,
на душе становилось постыло,
потому что беспечная Русь
столько песен своих позабыла!
Издали от низины пустой,
рассеченной осенней Окою,
тянет холодом и широтой
и последним движеньем к покою.
Над равниной плывут журавли,
улетают в горячие дали...
Вам спасибо, что вы сберегли,
нам спасибо, что мы растеряли.
Но зато на просторах полей,
на своей древнерусской равнине
полюбили свободу потерь
и терпенье, что пуще гордыни.

* * *

Чего нам не хватало на просторе,
где столько сена, рыбы и зверья,
где столько сини в человечесьем взоре,
где столько милых запахов жилья.

Но как мы жили? Кто о том расскажет?
Кто смог бы рассказать — давно умолк...
Ленивыми крылами плавно машет
тяжелый коршун...

Сел на свежий стог...

Цветочная пыльца плывет кругами
по черным водам северной реки...
Мне нынче хорошо и вольно с вами,
охотники,
крестьяне,

рыбаки.

Вы обновили вековые стати
семьи и быта, песни и любви,
и вспоминать не время и некстати,
на чем — на почве или на крови.

А недруги, что отворяли жилы
для этой крови...

Но река времен
все унесла.

Мы выжили.

Мы живы
и вспоминать не будем их имен.

А наша кровь, густая, молодая,
свернулась, извернулась, запеклась,
и, раны полусмертные латая,
мы поняли, что натрудились всласть,

что надо вспомнить о родимом доме,
что черный пепел мировых костров
ушел на дно, растаял в Тихом Доне
и что не выкинуть из песни слов...

* * *

Реставрировать церкви не надо —
пусть стоят как свидетели дней,
как вместилища тары и смрада
в наготе и в разрухе своей.
Пусть ветшают...

Недаром с веками
в средиземноморской стороне
белый мрамор — античные камни —
что ни век возрастает в цене.
Штукатурка. Покраска. Побелка.
Подмалевка ободранных стен.
Совершалась житейская сделка
между взглядами разных систем.
Чтобы всяким заезжим туристам
не смущал любознательный взор
в стольном граде иль во поле чистом
обезглавленный темный собор...

все равно на просторах раздольных
ни единый из них не поймет,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер угрюмо поет!

КАРЛ XII

А все-таки нация чтит короля —
безумца, распутника, авантюриста,
за то, что во имя бесцельного риска
он вышел к Полтаве, тщеславьем горя.

За то, что он жизнь понимал как игру,
за то, что он уровень жизни понизил,
за то, что он уровень славы повысил,
как равный, бросая перчатку Петру.

А все-таки нация чтит короля
за то, что оставил страну разоренной,
за то, что рискуя фамильной короной,
привел гренадеров в чужие поля.

За то, что цвет нации он положил,
за то, что был в Швеции первою шпагой,
за то, что весь мир изумляя отвагой,
погиб легкомысленно, так же, как жил.

За то, что для родины он ничего
не сделал, а может быть, и не старался.
За то, что на родине после него
два века никто на войну не собрался.

И уровень славы упал до нуля,
и уровень жизни взлетел до предела...
Разумные люди. У каждого — дело.
И все-таки нация чтит короля!

* * *

Опять разгулялись витии —
шумит мировая орда:
Россия! Россию! России!..

Но где же вы были, когда
от Вены и до Амстердама
Европу, как тряпку края,
дивизии Гудериана
утюжили ваши поля?
Так что ж, все прошло-пролетело,
все шумным быльем поросло,
и слава, и доброе дело,
и кровь, и всемирное зло?
Нет, все-таки взглянем сквозь годы
без ярости и без прикрас:
прекрасные ваши «свободы» —
что было бы с ними без нас?!
Недаром легли как основа
в синодик гуманных торжеств
и проповедь графа Толстого
и Жукова маршальский жезл.

ШАХМАТОВО

Напророчил пожар мировой,
не страшась ни огня, ни погрома.
Не с того ль зарастают травой
кирпичи легендарного дома?

Срок пришел отмечать юбилей,
но рассыпалась прахом ограда,
и шумят лопухи да пырей
на земле Соловьиного сада...

Но как дышит сырая земля,
как ползут из оврагов туманы,
и разьеженная колея
вновь уходит в поля и поляны!

* * *

*

Два сына соседних народов
такой завели разговор
о дикости древних походов,
что вспыхнул меж ними раздор.

Сначала я слышал упреки,
в которых, как корни во мгле,
едва шевелились истоки
извечного зла на земле.

Но мягкие интеллигенты
воззвали, как духов из тьмы,
такие дела и легенды,
что враз помутились умы.

Как будто овечью отару
один у другого угнал,
как будто к резне и пожару
вот-вот и раздастся сигнал.

Куда там! Не то что любовью
дышали разверстые рты,
а ржавым железом, и кровью,
и яростью до хрипоты.

Что было здесь правдой? Что ложью?
Уже не понять никому.
Но некая истина дрожью
прошла по лицу моему.

Я вспомнил про русскую долю,
которая мне суждена, —
смирять озверевшую волю,
коль кровопролитна она.

Очнитесь! Я старую рану
не стану при всех растравлять,
и как ни печально, — не стану
свой счет никому предъявлять.

Мы павших своих не считали,
мы кровную месть не блюли
и, может, поэтому стали
последней надеждой земли.

* *
*

Сквозь слезы на глазах и сквозь туман души
весь мир совсем не тот, каков он есть на деле.
Свистят над головой бесшумные стрижи,
несутся по песку стремительные тени.

Сквозь слезы на глазах вся жизнь совсем не та,
и ты совсем не та, и я совсем другою
тебя люблю всю жизнь — какая слепота! —
уж лучше осязать твое лицо рукою.

Была одна мечта — подробно рассказать
о том, что на земле и на душе творится,
но слишком полюбил смеяться и страдать,
а значит, из меня не вышло очевидца.

А время шло. Черты подвижного лица
сложилось навсегда, навеки огрубели.
Смешно, но это так: не понял до конца
ни женских голосов, ни ласточкиной трели.

А если понимал хоть на единый миг,
а если прозревал хотя бы на мгновенье,
то многого хотел — чтоб этот шумный мир
мне заплатил сполна за каждое прозреньё.

Об этом обо всем я размышлял в глуши
под сиротливый звук полночного напева...
Сквозь слезы на глазах и сквозь туман души
надежнее всего глядеть в ночное небо.

Где вечный свет луны и Млечного огня,
и бесконечность мглы, и вспышек моментальность
оправдывают все, что в сердце у меня, —
мой невеликий мир, мою сентиментальность.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Мы
были с ним знакомы,
как друзья.
Не раз
в обнимку шли и спотыкались.
Его дорога
и моя стезя
в земной судьбе
не раз пересекались.
Он выглядел
как захудалый сын
своих отцов...

Как самый младший,
третий...
Но все-таки звучал высокий смысл
в наборе слов его
и междометий.
Он был поэт;
как критики твердят,
его стихи лучатся добрым светом,
но тот,
кто проникал в тяжелый взгляд,
тот мог по праву
усомниться в этом.
В его прищуре
открывалась мне
печаль по бесконечному раздолью,
по безнадежно брошенной земле —
ну, словом, все,
что можно звать любовью.
А женщины?
Да ни одна из них
не поняла его души, пожалуй,
и не дышал его угрюмый стих
надеждою на них
хоть самой малой.
Наверно, потому,
что женский склад
в делах уюта
и в делах устройства
внезапно упирался в этот взгляд,
ни разу не терявший беспокойства.
Лишь иногда
в своих родных местах
он обретал подобие покоя
и вспоминал
о прожитых годах,
как ангел,
никого не беспокоя.

Он точно знал,
что счастье — это дым
и что не породнишь его со Словом,
вот почему он умер молодым
и крепко спит
в своем краю суровом,
на Вологодском кладбище своем

в кругу берез
любимых и печальных...
А мы еще ликуем и живем
в предчувствии потерь
уже недалгих.
А мы живем,
и каждого из нас
терзает все,
что и его терзало,
и потому,
пока не пробил час,
покамест время нас не обтесало,
давай пойдем,
что наша жизнь — завет,
что только смерть развяжет эти узы —
ну, словом, все,
что понимал поэт
и кровный сын жестокой русской музы.

* *
*

На полпути я вышел в тамбур.
В стекле пронесся свет костра —
то промелькнул цыганский табор,
раскинувшийся у моста.

В слоистой мгле, в туманной сини
костер, как искорка, адел,
и горький дым цыганской жизни
в курьерский поезд залетел...

Да не было у них свободы.
Как всякий люд, несли они
свои цыганские заботы,
свои житейские огни!

Все так! Но русские поэты
не зря, как роковые сны,
любили вольности приметы —
и шали взмах и звон струны.

Лишь потому был вечно моден
гортанный варварский мотив,
чтоб верить: кто-то есть свободен,
и бескорыстен, и счастлив...

* * *

Я так и не вспомнил, что было
на месте больших корпусов,
как много душа позабыла
событий, людей, голосов.

Но вдруг на углу переулка
с названием, звучащим мертво,
из памяти вырвалось гулко
старинное имя его...

Старайтесь в угоду минуте,
спешите за временем вслед.
весь город переименуйте, —
слова выплывают на свет.

Слова, зароненные с детства,
которые юная мать
успела, как призрак наследства,
нечаянно мне передать.

Живое вершится живыми.
Клубится строительный дым.
Все верно.
И все-таки имя
живет по законам своим.

Пускай, угрожая забвеньем,
свистит над кварталами снег,
но все, что утрачено зреньем,
останется в слове навек.

* * *

Как озими, укрытые снегами,
живут и верят, что настанет срок, —
мы будем жить, покамест Пушкин с нами,
мы будем жить, покамест с нами Блок.

Пока шумят леса, рождая воды
великих рек и малых родников,
мы будем жить, соизмеряя годы
прошедших дней и будущих веков.

* *
*

Я эту книгу судьбой оплатил.
Много?

А может быть, мало?
Слово сберег, а себя отравил...
Господи — с кем не бывало!

Чья-то рука средь грядущего дня
вдруг из печатного праха
выберет лучшую долю меня —
и встрепенется бумага.

Сколько иллюзий терпела она,
сколько страстей умирjala!
Книга раскрыта и обнажена...
Ей даже ты доверяла!

Холод зимы и дыханье весны.
Горечь и сладость разлуки,
грубая правда и нежные сны,
лишь бы в пристрастные руки.

* *
*

Как жарко трепещут дрова,
как воеет метель за стеною,
и кругом идет голова,
и этому — песня виною...
Пустые заботы забудь,
оставь, ради бога, посуду
и выдохни в полную грудь
слова, равноценные чуду...
А я так стараюсь, тянусь,
сбиваюсь и снова фальшивлю,
но что б ни случилось — клянусь
поэзией, честью и жизнью,
что я не забуду вовек,

как вьюга в трубе завывала,
как рушится на землю снег,
как ты не спеша запевала.
Земля забывала о нас,
прислушавшись к снежному вою,
и русский старинный романс
кружил над твоей головою.
А утром проснешься — бело.
Гуляет мороз по квартире...
О, сколько вокруг намело!
Как чисто, как холодно в мире...

* *
*

Всю ночь шумели ветры,
всю ночь стонали сосны
о том, что люди смертны,
о том, что вечны вёсны.

О том, что сердцу мило,
о том, что телу страшно,
что иссякает сила,
когда не жить отважно.

О том, что месяц травень
весь мир укрыл травюю,
что влага точит камень,
а жизнь съедает волю.

БЕСКОНЕЧНАЯ ПЕСНЯ

Стали старые деньги — новыми.
Стали новые песни — старыми.
Стали злые надежды — добрыми.
Стали крупные планы — малыми.

Стали пьяные речи — трезвыми.
Стали краткие ночи — долгими.
Стали пряные блюда — пресными.
Стали сладкие губы — горькими.

Стали легкие страсти — трудными.
Стали полные реки — мелкими.
Стали бедные рифмы — чудными.
Стали частые гости — редкими.

Стали острые шутки — плоскими.
Стали близкие друзья — дальними.
Стали малые дети — взрослыми...
И так далее, и так далее...

* *
*

Пучина каспийская глухо
о плиты бетонные бьет,
и нежное слово «разлука»,
как в юности, спать не дает.
Нет, я еще все-таки молод,
как прежде, желанна земля,
поскольку жара или холод
равно хороши для меня,
и этот студент непутевый,
и этот безумный старик,
и этот такой невеселый,
спаленный дотла материк!
...И девушка в розовом платье
и женщина в старом пальто!
Я понял, что славу и счастье
нельзя совместить ни за что,
что пуще неволи охота,
что время придет отдохнуть...
И древнее слово «свобода»
волнует, как в юности, грудь.

* *
*

Надоела мне радость чужая,
надоело, с привычной тоской
всю душевную стать обнажая,
вам рассказывать, кто я такой.

А в Небесных горах в это время
с перевалов сползают снега,—
знать, недаром в железное стремя
по весне запросилась нога.

Да спасет меня дело мужское —
вьючить вьюки, седлать лошадей
и в сверкающем лунном просторе
вспоминать про любимых людей...

* * *

В окруженье порожистых рек,
в диком мире гранита и гнейса,
как ни горько, но знай, человек, —
на друзей до конца не надейся.

Нет, не то чтоб не верить в друзей, —
мне по сердцу надежные души, —
но стихийные силы сильней
самой нежной и преданной дружбы.

Рухнет камень, исчезнет стезя,
друг протянет бессильную руку.
Так не порть настроения другу
и рассчитывай сам на себя.

Ах, так вот она правда и жизнь:
в жаркий полдень, в холодную полночь
всем, кто просит участия, — учись
помогать, не надеясь на помощь.

Но смотри: поскользнешься и ты
и услышишь, как в мире бескрайнем
говорят на краю темноты
ледяное дыханье воды
с человеческим жарким дыханьем.

* * *

Не то чтобы жизнь надоела,
не то чтоб устал от нее,
но жалко веселое тело,
счастливое тело свое,
которое плакало, пело,
дышало, как в поле трава,
и делало все, что хотело,
и не понимало слова.

Любило до стога, до всхлипа,
до тяжести в сильной руке
плескаться, как белая рыба,
в холодной сибирской реке...
Любило простор и движенье,—
да что там, не вспомнишь всего!
И смех, и озноб, и лишенье —
все было во власти его.
Усталость, и сладкая жажда,
и ветер, и снег, и зима...
А душу нисколько не жалко —
во всем виновата сама!

* * *

Поскользнулось копыто коня,
мускулистое конское тело
напряглось, и подкова, звеня,
по обрыву в стремнину слетела.

Усмиряя невольную дрожь,
я подумал: любимец удачи!
Ты как можешь, как хочешь живешь,
хорошо, что не хочешь иначе.

Что привык лошадям доверять,
что проверил седло и подпругу...
Чтобы душу свою не терять —
будь влюбленным в судьбу и разлуку.

Хоть немного, но выпало дней,
заклейменных печатью свободы!
Я когда-нибудь вспомню о ней,
вспомню эти бродячие годы.

Затоскую о жизни своей,
о стремнинах, где пляшут форели,
где подковы моих лошадей
в синих реках давно заржавели...

* * *

Голубь ворочается в гнезде,
горная речка скулит по-собачьи.
Где бы ты ни был, мой друг, тебе
я в этот вечер желаю удачи.

Шум водопада стоит в ушах,
переполняет меня постепенно.
Малые дети на ишаках
едут домой с охапками сена.

Вспыхнула искоркою звезда,
горестно закричали птахи:
малый птенец упал из гнезда,
смотрит на человека в страхе.

Без толку, глупый, чего пищать?
Если уж вылупился — что делать?
Мир не удастся перекричать,
жизнь не получится переделать.

Что-то случилось: с недавних пор
я полюбил бессловесных тварей...
На горизонте вершины гор
медленно тают в розовой хмари.

Там золотится Афганистан,
тянется в Индию черная складка,
мимо зеленой горы Чильдухтар
к снежным россыпям Туполанга.

Множество самых прекрасных чувств
время смело, словно листьев груду,
только шиповника алый куст,
странное дело, не позабуду.

Как он зацвел на исходе дня
цветом пламенным и воздушным
и растерял лепестки огня
в мире нежном и равнодушном.

А в камыше цикады звенят,
возле арыка шакалы воют.
Чувствую: время придет — и меня
воздух родины успокоит.

Что-то я недоволен собой,
мысли заняты посторонним.
Все осторожничаю с судьбой,
словно я заболел здоровьем.

Чтоб не сломаться в заботах дней,
не вспоминается нам о смерти.
Несколько милых душе людей —
наша опора на белом свете.

Пламя свечи. Шорох травы.
Южное небо. Ветер. Прохлада.
Тихо сливается шум в крови
с шумом горного водопада.

СЛУЧАЙ НА ШОССЕ

В. К.

Птица взмыла, но не удержалась —
видно, воздух исчез под крылом,
и вцепилась в стекло, и осталось
лишь пятно на стекле лобовом.

То, что — птица, я понял не сразу,
на баранке замлела рука.
Я попал на хорошую трассу —
можно выжать до ста сорока!

Что мне помнить какую-то птаху,
если надо глядеть да глядеть,
чтобы вдруг на обгоне с размаху
в голубой березняк не влететь.

Я — в машине, а значит, не волен
изменить предначертанный путь...
Как хотите, а я не виновен:
все равно бы не смог отвернуть,

потому что вдоль вешнего леса,
где ничто в этот миг не мертво
с тяжким свистом несется железо,
попирая законы его.

* * *

От Великой ГЭС до Усть-Илима
вечных сосен черная гряда,
красная строительная глина,
светлая байкальская вода...

Я люблю тебя, большое время,
но прошу — прислушайся ко мне:
не убей последнего тайменя,
пусть гуляет в темной глубине.

Не губи последнего болота,
загнанного волка пощади,
чтобы на земле осталось что-то,
от чего щемит в моей груди.

Пусть она живет счастливой болью
и, прочтя свой жребий в небесах,
всю земную волю и неволю
в должный час благословит в слезах...

День и ночь грохочут лесовозы.
День и ночь в пустынный небосвод
сладкий дым ангарской целлюлозы
величавым облаком плывет.

* * *

Ты заметил — сменились ветра,
первым холодом издали тянет,
и моя золотая пора
со дня на день серебряной станет.
Дунет ветер,
взметнется листва,
с нежным шелестом дрогнет рябина,
и сверкнет над хребтом синева —
даже глазу глядеть нестерпимо.
Милый мой,
попрощаемся, что ль,
и, предчувствуя скорую вьюгу,
сдержим в сердце взаимную боль,
пожелаем удачи друг другу...
Даже рябчик
и тот, ошалев
от простора, что ветер очистил,
ослепленный, летит меж дерев
и, конечно же, прямо на выстрел...

* * *

По северным звездам угадывать путь,
брести от зари до ночлега,
свалиться без сил и ладонью черпнуть
воды из лосиного следа.

Проснуться в ночи и глядеть у костра,
как уголь становится пеплом,
подумать о жизни: еще не прошла! —
коль пламя целуется с ветром.

По тропам звериным сквозь бурю гать
стремиться к прозрачным истокам,
выслеживать птицу и спирт разбавлять
холодным березовым соком.

А белые ночи стоят в сосняке,
ползут на болота и взгорья,
и красная рыба по черной реке
крадется из Белого моря.

* * *

А. М.

Опять, в смертельный сон впадая,
земля в покинутых полях
вглубь промерзает, забывая
о дочерях и сыновьях.

Опять нахлынули заботы
о хлебе, рыбе и тепле,
чтоб в дни столь долгой непогоды
жить трезво и навеселе.

Опять, стремясь к желанной цели,
народ возобновляет вновь
все должное в огромном теле —
и страсть, и мощь, и песнь, и кровь.

Мороз такой, что дым столбами
уходит ввысь от древних труб,
и ты холодными губами
снимаешь жар с горячих губ.

Мы люди северо-востока
и потому, нахмутив лбы,
глядим то нежно, то жестоко
в заиндевелый лик судьбы.

ОЗЕРО БЕЗЫМЯННОЕ

Тишина. Ни собак, ни людей
здесь не видно со дня сотворенья.
Только свадебный стон лебедей,
только царственный блеск оперенья.

Только ягель да зубчатый лес,
да в безмолвные белые ночи
тусклый пламень полярных небес
отражают озера, как очи...

Если есть в человеке душа —
да придет она после разлуки
под струящийся шум камыша
на озерные эти излуки.

Пусть останется с миром вдвоем
без меня на закате багряном
и лепечет о чем-то своем
безымянная над Безымянным.

Пусть витает в пустынном краю,
о прошедшей судьбе забывая,
и да примет ее, как свою,
лебединая белая стая.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Цокот копыт на дороге...»	3
«Увидеть родину весной...»	3
«Гуляет ветер в камыше...»	4
«Шепчу, объясняюсь, прощаюсь...»	4
«Как посветлела к осени вода...»	5
«Непонятно, как можно покинуть...»	5
«Уходит сын в житейский путь...»	6
«Как много печального люда...»	7
«Мать пьет снотворное за то...»	7
Владимирское шоссе	9
«А где дурачки городские...»	10
«Был Дмитрий Самозванец не дурак...»	10
«Листья мечутся между машин...»	11
«Чего нам не хватало на просторе...»	12
«Реставрировать церкви не надо...»	13
Карл XII	14
«Опять разгулялись витии...»	14
Шахматово	15
«Два сына соседних народов...»	15
«Сквозь слезы на глазах...»	16
Памяти поэта	17
«На полпути я вышел в тамбур...»	19
«Я так и не вспомнил, что было...»	20
«Как озими, укрытые снегами...»	20
«Я эту книгу судьбой оплатил...»	21
«Как жарко трепещут дрова...»	21

«Всю ночь шумели ветры...»	22
Бесконечная песня	22
«Пучина каспийская глухо...»	23
«Надоела мне радость чужая...»	23
«В окруженье порожистых рек...»	24
«Не то чтобы жизнь надоела...»	24
«Поскользнулось копыто коня...»	25
«Голубь ворочается в гнезде...»	25
Случай на шоссе	27
«От Великой ГЭС до Усть-Илима...»	27
«Ты заметил — сменились ветра...»	28
«По северным звездам угадывать путь...»	29
«Опять в смертельный сон впадая...»	29
Озеро Безымянное	30

*

Станислав Юрьевич Куняев

ПО БЕЛОМУ СВЕТУ

Редактор М. М. Жигалова.
Технический редактор О. Н. Ласточкина.

Сдано в набор 21.03.83. Подписано к печати 26.05.83. А 00683.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,52. Тираж
100 000 экз. Изд. № 1356. Зак. № 457. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты
«Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А137,
ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

Во всех книжных магазинах и киосках продаются билеты Всероссийской книжной лотереи.

Вероятность выигрыша достаточно велика: из каждых 200 билетов 69 выигрышных.

Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрыша заранее обозначена на внутренней стороне запечатанного билета: 50 копеек, 1, 3 и 5 рублей.

По выигрышному билету можно приобрести по своему выбору книгу или другие товары из наличного ассортимента книжного магазина или киоска на территории РСФСР.

Прочитанные книги вы можете продать книжным магазинам. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

Желаем удачи!

**Росглавкнига.
Дирекция Всероссийской книжной
лотереи.**